

19 мая 1966 г.

Ни тени, ни собаки, ни друга,
 Ни метро, ни музеев, ни книг.
 Только возка да пыльная ругань.
 Только шумные рожки ханов.

Здравствуй гениальный!
 Спасибо тебе за твое роцарское
 сердце, за твою доброту и само-
 величие. Ты же знаешь, как я
 ценю тебя в борьбе друзей.
 И когда кровавый режим бросит
 меня за решетку, я ни одной се-
 кунды не сомневался в твоей
 преданности и жесткости по отно-
 шению ко мне. Цирк возит, как
 я был терпелив и осторожен в
 поисках такого железного друга,
 как ты. Какое это наслаждение
 сознавать, что ты не ошибся, что
 где-то за 3500 км есть человек,
 который, даже в ущерб себе, вы-
 таскивает тебя из беды, кото-
 рой верит в тебя. А я, как всегда,
 питаю к людям только благо-
 пости.

А здесь, на краю географии, всё
 также непрерывно метёт вьюга.
 За окном проносятся оленьи упряжки,

11.06

ки, вертолёты, ревути бумбогера,
дрожь земля. Незабно заходит
в гурн к канайцам,
хотел курить бирмен
на меху. Товару не
оказалось, пришлось
курить рьбу. Если бы не
видел, как эти представители
национального меньшинства мной
смирят, тут там все с действия
и затворивают его вареной ма-
хоркой - оудемце! Ещё немало
и все абортены соряют от вожки.
Условий для нормальной челове-
ческой жизни, а там более работы,
найти здесь невозможно.
Мнебу я, как я уже писал, в
вагончике набитом крепкими,
звонкими, пылью и непопадаюци-
мая описанью мелочейками, са-
погати, портянками. Малкие
мизотества обретенные миллионы
ми истребуют в небитие, измыва-
юще от слезки, как они стига-
ют себя в вожке и драках.
Есть здесь и публичные дома, ише-
вые кельдынами, т.е. иуда, в
которых мивути проститутки и
предлагают себя за вожку.
Из любопытства зашел в местной
культурной центр-он же клуб, ко-
нечно, не вынес этого удобства.
Нет, лучше летать отвернувшись



к стене и предаваться размышле-
ниям на предмет тизм.

Сейчас я работаю в бригаде
такелажников инаге говоря в
"диной дивизии". Группу бревна,
божи с солярной, доблю лопам
везу на веревках, вша мовая
из под снега кирки и т.д.

Потом ружья бревном на кви-
ну гурю, и тизу, когда прыгнут
из Москвы краски, тибот за-
няться халтурой - оформит
красное урны, тсайн патри-
стическим логик на исмаге,
рисовать портретов моего село-
века, который недавно пощупил
сорок девять лет назад.

А морозы здесь зимой доходят до
55°, а вокруг не оживо дерева,
а кислорода здесь не хватает 30%
оттого лодки рама не замора-
ет и тпится неземляни. Через
месяц тпнется на реке лёд и
тпизра раскиснет и тпизн будет
безде, вонне колена + комары,
мошки, слепки.

Каждый день хоту на почину -
единственный место, где я могу
получить хоть маленькую радость.
Друг мой, прощай тедя, отпши
мне со всей откровенностью, тпю
там прощайся за два меся-
ца моего отсуживая. А тпю, ма

матушка слишком занурена
кремлёвскими идеологами и не
отъёмником не сообщает.
Большее всего люблю ясность, ибо
нахожусь в невезении слишком
мучительно.

Как я рад, слышав, что ты
получил моё письмо из Сале-
харда. Слишком противно было
бы снова отсвечивать идеям
социализма, которую я лице-
зрил в советских тюрьмах.

Но я их ещё не раз вижу,
где-нибудь на московской квар-
тире, глубокой ночью, с каранда-
шом в руке и стопкой бумаг.

Друг мой, сделай ещё одно
доброе дело. 30 мая устрою
склад на центральный рынок,
купю красных компаний на
территории, вдали от моего
имени Наде, и поздравь её с
днём рождения. Днём я тебе
вышлю, как пошушу авале.

Привет твоим любимой неси-
мине, задумчивому еврейскому
юноше Шломе - сыну окаянного ве-
ня сего, Вагисной, соседки, и всем
кто меня любит.

Дервеси

~~С любовью~~
~~Дервеси~~